

Памяти Елены Захаровны Цыбенко

В.В. Сорокина (Москва, Россия)

История изучения западноевропейской русистики на филологическом факультете МГУ в 1980–2020 гг.

Аннотация: В статье раскрывается роль Е.З. Цыбенко в формировании системного подхода к изучению западноевропейской русистики на филологическом факультете МГУ. В частности, отмечается, что благодаря ее творческим усилиям на базе лаборатории «Русская литература в современном мире» на протяжении более чем сорока лет проводилась внушительная работа по сбору информации, аналитическому ее осмыслению и представлению западноевропейской русистики в развитии, вплоть до современного ее состояния, в печатных изданиях.

Ключевые слова: Е.З. Цыбенко, западноевропейская русистика, филологический факультет МГУ, лаборатория «Русская литература в современном мире»

V.V. Sorokina (Moscow, Russia)

History of the Western European Russian Studies at the Faculty of Philology of Moscow State University in 1980–2020s.

Abstract: The article reveals the role of E.Z. Tsybenko in the formation of systematic approach to the investigation of Western European Russian studies at the Philological Faculty of Moscow State University. In particular, it is noted that thanks to her creative efforts for more than forty years a comprehensive work was carried out on the basis of the “Russian Literature in Modern World” laboratory. As a result – a sufficient volume of information was collected, West European studies in its development undergone substantial analysis and were published.

Key words: E.Z. Tsybenko, Western European Russian studies, Philological Faculty of Moscow State University, “Russian Literature in Modern World” laboratory

Образование учебно-научной лаборатории «Русский язык и литература в современном мире» на филологическом факультете МГУ в 1979 г. стало отправной точкой системного изучения западноевропейских исследований русской литературы.

Е.З. Цыбенко, возглавлявшая литературоведческую секцию лаборатории, а в дальнейшем ставшая научным руководителем всего этого подразделения факультета, сформулировала цели и задачи историко-научного подхода к освещению тематики и проблематики литературоведческой русистики с учетом дальнейшего преподавания этого предмета на филологическом факультете как самостоятельной дисциплины в рамках специализированных учебных курсов.

Понимание необходимости планомерного изучения западноевропейской литературоведческой русистики возникло не случайно: отдельные публикации на эту тему появлялись уже в 1970-е гг. Об изучении на Западе классической русской литературы писали и университетские ученые¹, и академические², опираясь в основном на ранее известные и переводные публикации. Из-за ограниченных рамок исследования и практически отсутствия доступа к критическим материалам картина западноевропейской русистики представлялась не в развитии, а как данность, известная по вторичным источникам. К тому же состояние современной русистики в этих работах не затрагивалось.

В 1980-е гг. в отечественном литературоведении появились книги, касающиеся вопросов восприятия русской литературы XX в. современными западными исследователями. Однако в силу существовавшей в то время на Западе общественно-политической, а не историко-эстетической оценочности всего русского художественного творчества в послевоенный период и у отечественных русистов критическое отношение стало преобладать над аналитическим³.

Используя опыт сравнительно-сопоставительного анализа, Е.З. Цыбенко⁴ сформировала научно-аналитический подход к изучению западноевропейской русистики в ее развитии от первых десятилетий XIX в. до начала XXI в. Полученные таким образом результаты исследования нашли отражение в библиографических, обзорно-аналитических и учебно-методических публикациях сотрудников лаборатории «Русская литература в современном мире»⁵. Вследствие выработанного системного подхода и постоянного – на протяжении более сорока лет – пополнения сведений сложилось представление о предмете в его развитии за более чем двухвековой период.

В начале XIX в. в Западной Европе превалировало довольно раздробленное представление о русской литературе, и только после войны 1812 г. она начинает восприниматься как явление национальное. Заметную роль в ее пропаганде сыграли появившиеся в начале 1820-х гг. антологии русской литературы на английском языке – Бауринга, на немецком – фон дер Борга и на французском – Сен-Мора. Антологии воссоздавали общую картину русской литературы от Ломоносова до Жуковского.

Расширение представлений европейского читателя о русской литературе начала XIX в. к 1830 г. приобрело достаточно планомерный характер. Широкая сеть

¹ Кулешов В.И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). М., 1977.

² Потапова З.М. Русско-итальянские литературные связи. Вторая половина XIX века. М., 1973; Прийма Ф. Русская литература на Западе. Л., 1970; Григорьев А.Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. Л., 1977.

³ Критика буржуазных концепций русской и советской литературы. М., 1985; Макеев А.В. Русская классическая литература и измышления советологов. М., 1985.

⁴ Цыбенко Е.З. Из истории польско-русских литературных связей. М., 1978.

⁵ Русская классическая и советская литература за рубежом (Изучение. Преподавание. Оценка). М., 1988; Русская литература в зарубежных исследованиях 1980-х годов. М., 1994; Изучение литературы русской эмиграции за рубежом (1920–1990-е гг.). М., 2002; Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 1920–1930 гг. М., 2006.

рецензентов давала практически исчерпывающее представление о всех новинках русского книжного рынка. Сложнее шел процесс осмысления своеобразия русской литературы: тяжело поддавалось анализу творчество Пушкина, Лермонтова и Гоголя – прежде всего потому, что и в самой России не было однозначной оценки этих авторов.

Первые попытки осмысления не только творчества отдельных писателей, но и историко-литературного процесса в России на всем его протяжении приходится на 1840-е гг., когда появились отдельные учебные курсы в университетах, обзорные статьи, охватывающие пушкинско-гоголевскую эпоху. Однако все они носили вторичный, популяризаторский характер и в значительной мере опирались на авторитет В.Г. Белинского, вместе с тем подготавливая творческие контакты западных и русских писателей, что сопровождалось обратным влиянием русской литературы на западноевропейскую.

Вторая половина XIX в. – время формирования системного подхода к изучению русской литературы на Западе, когда интерес к авторам недавнего прошлого уступает моде на новых писателей. Такими считались И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов. Об этом свидетельствует резкое увеличение количества переведенных на французский и немецкий языки их произведений. Из отзывов, разбросанных в различных периодических изданиях, включая и центральную общественно-политическую периодику – во Франции «Фигаро» и «Ла Газетт», а в Германии «Берлинер Анцайгер» и «Франкфуртер Рундschau», – становится понятно, что привлекает западного читателя в современной русской литературе: милосердие, гуманизм, сочувствие к «униженным и оскорбленным». Это способствовало и появлению в Германии специализированного «Журнала славянских литератур, искусства и науки», который выходил в 1862–1864 гг.

С выходом в свет книги М. Вогюэ «Русский роман» (1886), по сути, начинается подлинное открытие и последовательное осмысление опыта русской литературы на Западе. Помимо написания отдельных глав об И. Тургеневе, Л. Толстом, Ф. Достоевском и Н. Гоголе, автор выявляет важные черты русской литературы – служение общественному долгу и большую нравственную силу – и приходит к выводу, что центр мировой культуры передвинулся из Франции в Россию. Интереснейшим и наиболее оригинальным проявлением «русской души» в литературе автор считает художественный реализм русского романа, и поэтому главной проблемой для него было выяснение места и значения русского романа в мировой литературе. Он сравнивал два типа реализма: один – представленный западной литературой, произведениями Флобера и натуралистов, «реализм, лишенный веры, волнения и милосердия»; другой – русский реализм, одухотворенный глубокой человечностью.

К концу века в Европе сложилась устойчивая система изучения русской литературы. В университетах Мюнхена, Берлина, Бохума, Парижа, Вены появились отделения русистики, стали публиковаться учебные пособия.

В период между двумя мировыми войнами, когда европейская филологическая наука переживала глубокий кризис вследствие практического отсутствия подготовленных специалистов, ведущую роль в изучении русской литературы на Западе стала играть русская зарубежная русистика. В силу сложившихся общественно-политических и историко-культурных обстоятельств в Европе сформировалась уникальная ситуация, при которой выходцы из России включились в западный процесс изучения русской литературы. Оказавшись за пределами России, десятки профессиональных критиков и литературоведов, а также писателей,

продолжили изучение русской литературы, но уже в других условиях. В отличие от преобладавшего в основном в метрополии социологического типа, за известными исключениями литературная критика стала очерковой, философской и импрессионистической. Социокультурная уникальность этого явления противостояла параллельно развивавшемуся литературно-критическому процессу в России и влияла на исследовательские приоритеты. Среди них основными были:

- изучение русского классического наследия и определение его места в духовном становлении личности;
- популяризация на Западе русской культуры, признание за ней общеевропейского и мирового уровня и связи с западноевропейской литературной традицией;
- изучение современной литературы эмиграции, определение ее места и эстетической ценности;
- наблюдение за процессами в советской литературе, выявление истинных художественных ценностей из общего потока тенденциозной продукции.

Благодаря деятельности русской эмиграции, к 1950-м гг. в Западной Европе сложились университетские и академические центры, в которых готовились национальные специалисты-русисты, впитавшие опыт классической российской литературоведческой школы. Им предстояло обобщить накопившейся за более чем вековой период опыт изучения русской литературы.

В 1950–1960-е гг. в европейском литературоведении преобладал общественно-политический подход к изучению современной русской литературы, которая исключалась из руслу всемирного развития литературы, а социалистический реализм выводился за рамки художественного метода.

Начиная с 1970-х гг. ситуация меняется, критика выдвигает как главную задачу не критиковать, не разоблачать, не полемизировать, а просто «восполнять дефицит информации» о современной русской литературе.

В интересе западноевропейского исследователя второй половины XX в. можно выделить следующие характерные черты:

- противопоставление современной литературы русской классике, Серебряному веку и литературе 1920-х гг.;
- рассмотрение социалистического реализма как перерождающегося в «бытовой», а в случае сатирических произведений – в критический. Базой, на которой развивается европейская русистика этого периода, становятся специализированные журналы, продолжающие представлять различные авторитетные организации по изучению русской литературы.

За более чем двухсотлетнюю историю существования западноевропейской литературной русистики ей приходилось переживать разные периоды – от первичного накопления информационных материалов в самом начале через вполне естественную вторичность освоения иноязычной литературы и зависимость от русского литературоведения во второй половине XIX в. до вполне самостоятельной отрасли европейской филологии, окончательно сформировавшейся после Второй мировой войны.

К концу XX в. вследствие прежде всего общественно-политических факторов ситуация резко изменилась, что вызвало беспокойство прежде всего в кругах европейских исследователей: они обратили внимание на резкое снижение научного интереса к русской литературе.

В самом начале нынешнего века один из авторитетнейших журналов по вопросам восточноевропейских исследований «Остойропа» опубликовал «Меморандум

о состоянии славистики в Германии»¹. В нем говорится, что после невиданного подъема интереса ученых, издателей, читателей к русской литературе в период 1945–1995 гг. пришло время резкого снижения интереса, сокращения публикаций, переводов и дискуссий по вопросам русской литературы. Произошла переориентация многих издательств, сократились тиражи профильных периодических журналов, а некоторые, ориентированные исключительно на русскую аудиторию, вообще прекратили существование.

Французский журнал «Кайе дю монд рюс» за 1999 г. предложил подписчикам обзоры минимального количества публикаций о русской литературе. В проблемной статье В. Кошмаля² о состоянии и перспективах славистики автор обращает внимание на то, что проблемы современного изучения славянских литератур уже были заложены в недрах исторически сложившегося подхода к этому предмету, когда сформировалось два типа славяноведения – историко-научное и общественно-политическое. Это и привело, в конечном счете, к кризису профессии, ставшему следствием кризисов экономического и общественного. Интерес исследователей сместился в сторону второстепенности и «детальности» изучения, что практически исключало научную полемику, – филология стала «подменяться культурологией». И это, по мнению автора, не могло не привести к утрате профессионализма.

В 2010-е гг. ученые опять вернулись к этой теме, усмотрев в состоянии славистики более глубокие процессы. В статье с красноречивым названием «Конец и возрождение филологии. Перспективы литературоведческой славистики»³ У. Шмид бьет тревогу по поводу вырождения славистики, играющей роль моста между Западом и Востоком, в политический инструмент. Профессиональной славистике, по его мнению, «приходится продираться сквозь культурологическое нашествие на филолого-исторические факультеты». Эта мысль развивается Р. Грюбелем⁴, который полагает, что к началу XXI в. традиционная филологическая ориентация университетов утратила свою силу. Споры между литературоведами и лингвистами выродились в дискурсивную лингвистику, культурологические структурные исследования или в специфически национальные изыскания.

По прошествии десятилетий после начала упадка западноевропейской славистики можно говорить о том, что ситуация в литературоведении изменилась не только количественно, но и качественно. Очевиден рост научных публикаций по всем периодам русской литературы. Крупнейшие европейские исследовательские центры: Мюнхен, Вена, Париж, Амстердам, Берлин, Женева – сохранили приоритеты и продолжают издавать серийные монографии и периодику. Существенные изменения произошли и на качественном уровне: являясь неотъемлемой частью европейского литературного процесса, русистика не могла не впитать в себя достижения новых постмодернистских методов изучения художественного произведения, все более воспринимаемого исследователями как «текст».

¹ Schmid H., Berwanger K. Memorandum über die Lage der Slavistik in Deutschland // Osteuropa. Berlin; Stuttgart. 2005. Bd. 55. №9. S. 122–129.

² Koschmal W. (Slavische) Literaturwissenschaft zwischen Selbst- und Fremdstimmung // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1999. Bd. 58. №1. S. 1–18.

³ Schmid U. Ende und Neubeginn der Philologie. Perspektiven für die Slavistik // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2013. Bd. 63. №2/3. S. 31–54.

⁴ Grübel R. «Čto (ne)delat'» – «Was (nicht)tun?» Warum Normen und Standarts in der Slavistik gegenwärtig ein Problem sind // Journal of Literary Theory. 2011. Bd. 5. №2. S. 195–208.

Вследствие опять же общемировых процессов принципиально изменился качественный состав исследователей, что привело к возникновению проблемы национального литературоведения, до сих пор не существовавшей. Во время наивысшего расцвета русистики в Европе во второй половине XX в. был обозначен тематический и идеологический интерес разных национальных школ. Например, французская литературоведческая русистика в основном ориентировалась на изучение русской классики и литературы Серебряного века (особенно символизма). Очевиден вклад в изучение этих периодов и литературоведения ГДР (К. Эберт, К. Штедке). Западногерманские исследователи, с одной стороны, ориентируясь на англо-американскую советологию, обрушивались на эстетические принципы социалистического реализма (К. Аймермахер, Й. Хольтхузен, К. Менерт, К. Можейко), а с другой, демонстрировали поистине новаторские открытия в изучении произведений русских писателей, чье творчество не находило должного внимания в советском литературоведении: Е. Замятина, М. Булгакова, А. Платонова, М. Зощенко, О. Мандельштама, а также И. Бродского, Д. Пригова и др. Ведь именно в Германии в 1970–1980-е гг. впервые вышли монографии об этих писателях Б. Мюллера, А. Ханзен-Леве, Н. Франца, В. Казака, Х. Гюнтера, Й. Майхеля и др.

С наступлением XXI в. ситуация значительно изменилась. Теперь уже не приходится говорить о национальной специфике европейского литературоведения. Немцы издаются в Амстердаме на английском языке, французские журналы предоставлены россиянам, украинцам, сербам, австрийцам, в Мюнхенском восточно-европейском институте работают китайцы, американцы, наши соотечественники.

Получается, что качественный состав современной русистики – это сочетание специалистов, подготовленных в национальных европейских школах, ученых с российским образованием, выходцев из русской эмигрантской среды во втором и даже в третьем поколении. Таким образом, внелитературные факторы оказали существеннейшее влияние на литературно-критический процесс конца XX в. в Европе, но не изменили его совершенно. Многие осталось и развилось в новых условиях.

Освещение современного литературного процесса в России занимает важное место в западноевропейской критике, но материалы о нем в основном публикуются в журналах, посвященных вопросам культуры и общественной жизни, центральным из которых по-прежнему, как и пятьдесят лет тому назад, остается немецкоязычная «Остойропа». В этом журнале регулярно публикуются аналитические обзоры результатов присуждения литературных премий в России, сопровождаемые обильным справочным и статистическим материалом, представляемым в разнообразных таблицах и графиках.

Преимственность русистики прошлых периодов выражается прежде всего в сохранении приоритета интересующих ее тем. Как и раньше, основной материал касается классической литературы XIX в., литературы Серебряного века и 1920-х гг., а также современного литературного процесса. Осуществляется переиздание наиболее значительных книг, вышедших в 1970–1980 гг., что, несомненно, свидетельствует о преимущественности литературно-критического процесса в Европе.

Если в XX в. лучшие образцы западной критики ориентировались на философскую составляющую русской литературы: Достоевский как религиозный мыслитель, Толстой как выразитель народного духа, Чехов – знаток души человеческой; то теперь все большее место занимают работы, посвященные скорее более второстепенным и менее филологическим вопросам: интимной стороне жизни писате-

лей, воплощению отдельных образов (смерти, сна, тела, ужаса, террора, сумасшествия) в художественных произведениях.

Литературно-критическая судьба Пушкина в Западной Европе всегда не соответствовала уровню востребованности творчества писателя на родине, поэтому особенно важно отметить, что в минувшие десятилетия интерес к его творчеству возрос. Здесь не последнюю роль сыграли преобразования в самом литературоведении, изменившем взгляд на художественное произведение в целом. Объектом исследования начиная с середины XX в. все больше становится «текст», а процесс его анализа превращается в расшифровку форм и знаковых систем, из которых слагается некий гипертекст всей литературы. Отсюда и возрастание интереса к проблемам интертекстуальности, описанию структур, выявлению скрытого смысла. И здесь творчество Пушкина становится богатым материалом для подобного рода опытов. Особенно привлекает исследователей связь творчества русского классика с европейскими писателями эпохи романтизма и русской постмодернистской литературой конца XX в.

Традиционный интерес к литературе Серебряного века и русского авангарда изменил идеологический вектор. Если в 1970–1980-е гг. основной акцент в изучении этого периода русской литературы делался на противопоставление ее всей последующей, то теперь исследователей привлекает новаторский пафос этой литературы и форма, что несомненно указывает на влияние русской формальной школы на методы исследования художественного текста западноевропейскими учеными-славистами, а также на послевоенный структурализм.

Русская литература этого периода начинает восприниматься в контексте западноевропейского модернизма как эстетическая макроэпоха. Это проявляется в том, что ученые стараются выявлять ее специфику в сопоставлении с европейской литературой, отсюда и возрастание количества сопоставительных работ. Был даже создан научный проект «Эксперимент свободы. Русский модернизм в сопоставлении с европейским», объединивший ученых разных стран и научных школ. Одной из его задач стало освоение потенциала русского модернизма на благо европейского и оценка его в новом масштабе и в сравнительном аспекте. Материалы этого проекта доказывают, что стала возможной интеграция всех модернистских процессов, происходящих в Европе и отказ от бытовавшего ранее стремления разграничивать проявление модернизма в искусстве и культуре всех европейских стран.

Исследователи русского модернизма уверенно обнаруживают истоки его в национальном и европейском романтизме, и это дает основания многим авторам не только видеть общее происхождение русского и европейского модернизма, но и улавливать связи этих явлений и взаимовлияние. Русский романтизм рассматривается участниками проекта и как восходящий к прозе Пушкина, Лермонтова, Гоголя, и, в связи с полнотой и богатством его контрастов, к истокам европейского романтизма.

Работа над вышеназванным проектом позволила исследователям выделить два направления в методике сравнительного изучения: одно из них предполагает изучение межлитературных связей (интертекстуальность, литературные архетипы, историческую поэтику), другое – установление транслитературных взаимосвязей и структурных аналогий (литература и другие виды искусства, искусство и культура).

В традиционном интересе к литературе русского авангарда в последние десятилетия выделяются работы о Д. Хармсе и В. Хлебникове как о центральных фигурах этого направления. В работах западноевропейских исследователей твор-

чество Д. Хармса связывается с завершающим этапом русского авангарда, когда наиболее очевидным стало проявление «вещественного» начала в литературных образах, связывающих его творчество с футуризмом, с одной стороны. С другой стороны, творчество Д. Хармса, по мнению ученых, явилось предтечей экзистенциальной составляющей европейской литературы абсурда.

В произведениях В. Хлебникова ученых привлекают прежде всего его историософские взгляды, в которых находят отражение как архетипические (индийские), так и более близкие современности (Е. Блаватская, А. Белый) идеи циклического развития времени, но, в отличие от них, у писателя отсутствуют метафизические составляющие религиозных или оккультных парадигм. Это проявляется в риторических особенностях его символических и теософских текстов, например в «Числах». Особый интерес исследователей вызвали «Доски судьбы», которым было посвящено несколько выпусков журнала «Рашен литераче».

Современный литературный процесс традиционно привлекает наибольшее внимание западноевропейской критики. Исследовательский интерес вызывают преимущественно следующие темы: соотношение реализма и модернизма; писатель и власть; литература и коммерция; литературные премии; литературный критик и коммерция; антигерой; самоубийство и смерть; интертекстуальность.

Однако прежде всего перед критиками стоит вопрос о качестве современного русского литературного процесса. Одни утверждают, что постсоветская литература – «скандальная деградация незыблемой модели великой русской классической литературы», другие же говорят, что на руинах социалистического реализма возникают произведения романтического, конструктивистского, метафорического постмодернизма и магического, игрового, фантастического реализма. За этим проглядывает единый структурный принцип противостояния «искусства для искусства» и «искусства как отражения жизни». В произведениях русского постмодернизма исследователи отмечают в большей степени влияние западной литературы и ориентацию на поэтику «классического» модернизма 1920–1930-х гг. Отмечается образная метафоричность М. Булгакова в произведениях В. Пелевина, многоплановость А. Платонова у Л. Петрушевской, сложный синтаксис В. Набокова у В. Сорокина. На содержательном уровне – тяготение к вселенским обобщениям, к «вечным» темам, отказ от тотальной иронии.

По мнению западноевропейских критиков, творчество новых модернистов направлено на представление универсального образа мира, не претендующего на стирание границ между искусством и действительностью. Это неизбежно приводит к откровенной традиционности, к возникновению опасности впадения в излишнюю монотонность, декоративность, инерционность слишком «правильного» языка («Матисс» А. Илического, «2017» О. Славниковой, «Венерин волос» М. Шишкина). Исследователи признаются в неспособности определить творческий метод этих произведений, склоняясь то к «онтологическому реализму», то к «онтологическому модернизму».

В работах, посвященных современному литературному процессу, все более очевидным становится сравнительный подход к анализу произведений русских писателей. Сравняются А. Геласимов с У. Фолкнером и Э. Хемингуэйем, М. Шолоховым и Ю. Бондаревым; Е. Попов и А. Левкин с Г. Майринком; А. Иличевский с Р. Музилом; М. Шишкин с Т. Манном.

В последние годы литературные обозреватели на Западе стали обращать внимание на русскую критику не только как на источник первичной информации и

мнений о русской литературе, но и как на самостоятельное явление российского литературного процесса. Основные вопросы вызывают параметры оценки литературных произведений, так как для западноевропейской критики они являются важным составляющим элементом литературно-критической работы, в которой они видят элементы семиотического, эстетического и читательского анализа.

По мнению исследователей, современная российская критика «сильно коммерциализировалась». Судьбу литературного произведения теперь определяют премии, а не критический разбор и читательская оценка. К тому же «ощущается недостаток внятного профессионального анализа литературного материала, предметного объяснения художественной и общественной значимости произведений». В России происходит расширение эстетических норм и форм, и процесс этот сопровождается уменьшением количества компетентных молодых критиков. Обращается внимание на то, что в российской печати представлена смесь цинизма, идеологизации и современного экстремизма, полная «этико-моральной безответственности»¹. Западные европейские критики высказывают сожаление, что в современной России так и не получили развития плюрализм мнений и уважение к читателю определенной части интеллектуалов.

Высказываются упреки в неоднородности литературного материала. С одной стороны, ощутима приватизация книжного рынка, а с другой – значение печатного слова в России изменилось: теперь печатается огромными тиражами массовая литература и книги «с минимальными требованиями качества».

И все же выводы западноевропейских специалистов о состоянии русской литературы вполне оптимистичны. По их мнению, новейшая русская литература является еще одной исторической проверкой и подтверждением общих законов функционирования литературной эволюции, где новизна, рождаясь на радикальном разрыве с традицией, обретает весь свой смысл лишь через динамику преемственности. На смену социалистическому реализму приходит эпоха литературы многоязычия и разноречия – как освобождение. «Постсоветская литература играет в вавилонскую башню, отстаивая множественность языков: ненормативная лексика, жаргон, арго, новояз, лингвистический “пэтчворк”»².

Прошедшее двадцатилетие показало, что изучение русской литературы на Западе сильно изменилось под влиянием внелитературных факторов, сохранив при этом устойчивый интерес к определенным темам и проблемам. Вместе с тем очевидно, что западноевропейская русистика развивается в русле общемировых тенденций снижения роли классического литературоведения и усиления влияния культурологических изысканий, что приводит в конечном счете к сужению диапазона научных интересов, к «мелкотемью» и, как следствие, к исключению литературно-критической полемики по различным вопросам науки о литературе.

В начале 2020-х гг. намечился очередной виток смены поколений исследователей, происходят явные изменения в мировом литературно-художественном процессе. Очевиден отход от формальных экспериментов в литературе и переключение исследовательского интереса в сторону сопоставительного изучения литератур и межлитературных художественных явлений. Как это скажется на западноевропейской русистике? И сохранятся ли типологические характеристики этого территориально-национального явления?

¹ Menzel B. Blick durch ein deutsches Teleskop. Russische Literaturkritik im Wandel // Osteuropa. Berlin; Stuttgart. 2003. Bd. 53. № 9–10. S. 1295–1307.

² Фортель де ла А. Законы литературной эволюции. К вопросу изучения новейшей русской литературы // Миргород. Lausanne, 2014. № 1(3). С. 70.

ЛИТЕРАТУРА

- Григорьев А.Л.* Русская литература в зарубежном литературоведении. Л., 1977. 302 с.
- Изучение литературы русской эмиграции за рубежом (1920–1990-е гг.). М., 2002. 94 с.
- Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 1920–1930 гг. М., 2006. 211 с.
- Критика буржуазных концепций русской и советской литературы. М., 1985. 290 с.
- Кулешов В.И.* Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). М., 1977. 348 с.
- Макеев А.В.* Русская классическая литература и измышления советологов. М., 1985. 64 с.
- Потапова З.М.* Русско-итальянские литературные связи. Вторая половина XIX века. М., 1973. 288 с.
- Прийма Ф.* Русская литература на Западе. Л., 1970. 256 с.
- Русская классическая и советская литература за рубежом (Изучение. Преподавание. Оценка). М., 1988. 171, [2] с.
- Русская литература в зарубежных исследованиях 1980-х годов. М., 1994. 154 с.
- Фортель де ла А.* Законы литературной эволюции. К вопросу изучения новейшей русской литературы // Миргород. Lausanne, 2014. № 1(3). С. 70.
- Цыбенко Е.З.* Из истории польско-русских литературных связей. М., 1978. 280 с.
- Grübel R.* «Čto (ne)delat' – Was (nicht)tun?» Warum Normen und Standarts in der Slavistik gegenwärtig ein Problem sind // Journal of Literary Theory. 2011. Bd. 5. № 2. S. 195–208.
- Koschmal W.* (Slavische) Literaturwissenschaft zwischen Selbst- und Fremdstimmung // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1999. Bd. 58. № 1. S. 1–18.
- Menzel B.* Blick durch ein deutsches Teleskop. Russische Literaturkritik im Wandel // Osteuropa. Berlin; Stuttgart. 2003. Bd. 53. № 9–10. S. 1295–1307.
- Schmid U.* Ende und Neubeginn der Philologie. Perspektiven für die Slavistik // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2013. Bd. 63. № 2/3. S. 31–54.
- Schmid H., Berwanger K.* Memorandum über die Lage der Slavistik in Deutschland // Osteuropa. Berlin; Stuttgart. 2005. Bd. 55. № 9. S. 122–129.

REFERENCES

- Classics and Modernity in Literary Criticism of the Russian Diaspora in 1920–1930-ies. Moscow. 2006. 211 p.
- Overturn of the Bourgeois Concepts of Russian and Soviet Literature. Moscow. 1985. 290 p.
- Fortel de la A. Laws of Literary Evolution. On the Question of Studying the Latest Russian Literature. *Mirgorod*. Lausanne, 2014. No 1(3), p. 70.
- Grigoriev A.L. (1977) Russian Literature in Foreign Literary Criticism. Leningrad. 302 p.
- Grübel R. “Čto (ne)delat'” – “Was (nicht)tun?” Warum Normen und Standarts in der Slavistik gegenwärtig ein Problem sind. *Journal of Literary Theory*. 2011. Bd. 5. № 2, Ss. 195–208.
- Koschmal W. (Slavische) Literaturwissenschaft zwischen Selbst- und Fremdstimmung. *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 1999. Bd. 58. No 1, Ss. 1–18.
- Kuleshov V.I. (1977) Literary Relations between Russia and Western Europe in the nineteenth century (first half). Moscow. 348 p.
- Makeev A.V. (1985) Russian Classical Literature and Fabrications of Sovietologists. Moscow. 64 p.

Menzel B. Blick durch ein deutsches Teleskop. Russische Literaturkritik im Wandel. *Osteuropa*. Berlin; Stuttgart. 2003. Bd. 53. No 9–10, Ss. 1295–1307.

Potapova Z.M. (1973) Russian-Italian Literary Relations. Second half of the nineteenth century. Moscow. 288 p.

Prijma F. (1970) Russian Literature in the West. Leningrad. 256 p.

Russian Classical and Soviet Literature Abroad (Learning. Teaching. Evaluation). Moscow. 1988. 171,[2] p.

Russian Literature in Foreign Studies of the 1980s. Moscow. 1994. 154 p.

Schmid U. Ende und Neubeginn der Philologie. Perspektiven für die Slavistik. *Osteuropa*. Berlin; Stuttgart. 2013. Bd. 63. No 2/3, Ss. 31–54.

Schmid H., Berwanger K. Memorandum über die Lage der Slavistik in Deutschland. *Osteuropa*. Berlin; Stuttgart. 2005. Bd. 55. No 9, Ss. 122–129.

Studies of Russian Emigré Literature Abroad (1920–1990-ies). Moscow. 2002. 94 p.

Tsybenko E.Z. (1978) From the History of Polish-Russian Literary Relations. Moscow. 280 p.

Сведения об авторе:

Вера Владимировна Сорокина,
доктор филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Vera V. Sorokina,
Doctor of Philology
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
vvsoroko@gmail.com